

Игорь Царев
1955-2013

Его поэзия трехмерна: недостижима высота, неохватна широта, неповторима глубина. Как раз тот случай, когда, читая стихи, забываешь о ямбах-хорях, о метафорах и сравнениях. А просто подставляешь душу под этот живительный источник. И стихи не заканчиваются даже тогда, когда подборка прочитана вся, полностью. Его строки давно стали «крылатыми», а победить в конкурсе, носящем его имя, – это слава и честь для любого поэта.

Старая Прага

Прага, как старая дама в вуали –
Профиль готичен.
Здесь электрический смайлик трамвая
Анекдотичен.
Тонем в истории улочек узких –
Даты и прочерк.
Толпы туристов. Но, кажется, русских
Больше, чем прочих.

Влтава гоняет усталые волны
Между мостами.
Буквы на вывеске бара не полны,
Стерлись местами.
Наши? – подсели за столик, спросили
Парни из Тынды.
Что ж, признаваться, что ты из России
Стало не стыдно.

Нас узнают не по вычурным платьям,
Не по каратам,
А по тому, как беспечно мы платим
Ихнему брату,
И по тому, как душевно гуляем,
Вольно глаголим,
Гоголем ходим, где раньше буянил
Глиняный Голем.

Темное пиво, гуляя по замку,
Мы ли не пили?
И восхищались, как держат осанку
Древние шпили...
На гобеленах в покоях монарших
Пражские ночи.
Толпы туристов. И, все-таки, наших
Больше, чем прочих.

Апокалипсис

На седьмом ли, на пятом небе ли,
Не о стол кулаком, а по столу,
Не жалея казенной мебели,
Что-то Бог объяснял апостолу.
Горячился, теряя выдержку,
Не стесняя себя цензурою,
А апостол стоял навтыяжку,
И покорно потел тонзурою.

Он за нас отдувался, каинов,
Не ища в этом левой выгоды.
А Господь, сняв с него окалину,
На крутые пошел оргвыводы.
И от грешной Тверской до Сокола
Птичий гомон стих в палисадниках,
Над лукавой Москвой зацокало,
И явились четыре всадника.

В это время, приняв по разу, мы
Упражнялись с дружкой в иронии,
А пока расслабляли разумы,
Апокалипсис проворонили.
Всё понять не могли – живые ли?
Даже спорили с кем-то в «Опеле»:
То ли черти нам душу выели,
То ли мы ее просто пропили.

А вокруг – не ползком, так волоком –
Не одна беда, сразу ворохом.
Но язык прикусил Царь-колокол,
И в Царь-пушке ни грамма пороха...
Только мне ли бояться адского?
Кочегарил пять лет в Капотне я
И в общаге жил на Вернадского –
Тоже, та еще преисподняя!

Тьма сгущается над подъездами,
Буква нашей судьбы – «и-краткая».
Не пугал бы ты, Отче, безднами,
И без этого жизнь не сладкая.
Может быть, и не так я верую,
Без креста хожу под одеждою,
Но назвал одну дочку Верою,
А другую зову Надеждою.

Бессвязные мысли цвета хаки

Модное хаки солдатской юдоли.
Степень свободы казенных ремней.
В каски впрессованы лобные доли
В целом неглупых когда-то парней.

Посвист косы прокаженной старухи.
Глупые слухи честнее вранья.
Крови алкают свинцовые мухи.
Корчится небо от стай воронья.

Мыслей опальных расстрельные списки.
Кто там сегодня назначен врагом?
Постная каша на доньшке миски.
С пушечным мясом почтовый вагон.

В сером конверте цветок белладонны.
Мертвым юнцам не дано постареть.
Боже, как смертные ямы бездонны –
Мы не заполнили их и на треть...

Демииургам

Есть демиурги языка,
Язычники, языкотворцы –
Восторгом золотых пропорций
Играет каждая строка...
Кто ниспослал им этот дар?
Кто научил так изъясняться,
Что их слова ночами снятся,
Питая души как нектар?..
Их слог – то строг, то вводит в транс
Тем, как божественно небрежен,
Как между строк туманно брезжит
Высокий смысл иных пространств...
Но кто бы знал, какой ценой
Им достается почерк легкий,
И сколько никотина в легких,
И сколько боли теменной,
Как, прогорая до трухи,
В стакане копятся окурки,
Как засыпают демиурги,
Упав лицом в свои стихи

* * *

Марине Цветаевой

Когда в елабужской глуши,
В ее безмолвии обидном
На тонком пульсе нитевидном
Повисла пуговка души,
Лишь сучий вой по пустырям
Перемежался плачем птичьим...
А мир кичился безразличьем
И был воинственно упрям...

Господь ладонью по ночам
Вслепую проводил по лицам
И не спускал самоубийцам
То, что прощал их палачам...
Зачтет ли он свечу в горсти,
Молитву с каплей стеарина?
Мой Бог, ее зовут Марина,
Прости, бессмертную, прости.

Колокольная и кандалная

Перепахана, перекошена,
Колесована, облапошена,
Русь, расхристанная просторами,
Четвертована на все стороны.

И великая, и дремучая,
Ты и любишь так, словно мучаешь –
Ноги бражников и острожников
Зацелованы подорожником.

Но над пропастью или в пропасти
Мужики здесь не мрут от робости –
И с метелями зло метелятся,
И рубахой последней делятся.

Бесшабашная и мятежная,
Даже в радости безутешная,
Покаянная доля пьяная,
Да и трезвая – окаянная.

Хорохоримся жить по совести –
Не винцо с дрянцой на крыльцо нести.
Но болит душа – не погост, поди! –
Все равно грешим. Прости, Господи!

Колокольная и кандальная,
И святая Русь, и скандальная,
Не обносит судьбой пудовую,
Ни медовую, ни бедовую.

И морозные сорок градусов
То ли с горя пьем, то ли с радости,
На закуску капуста хрустящая
Да протяжная песня русская.

И не важно даже, про что поют,
Если душу песнями штопают.
Пусть лишь звонами, Русь, да трелями
Будет сердце твое прострелено.